

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ИНСТИТУТ ОБЕЩАНИЯ (FIDES) В АРХАИЧЕСКОМ ПРАВЕ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Е.А. Сорокина

Кафедра теории и истории государства и права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье содержание, механизм действия *fides* раскрывается сквозь призму миро-и правопонимания архаической эпохи. Делается вывод, что специфика данного института объясняется культурно-историческими особенностями времени, в условиях которого он действовал.

Обращение к данной теме имеет целью объяснить специфику действия архаического права на примере указанного института, поскольку сегодня сплошь и рядом демонстрируется ее непонимание: на архаическое право распространяются «стандарты» права современного. В итоге из поля зрения исследователя «исчезают» специфика структуры архаического права и механизма его действия. А она весьма значительна. В самом деле, на первый взгляд может создаться впечатление, что институт обещания имел неправовую природу, поскольку был лишен государственной защиты. Однако при рассмотрении его сквозь призму культурно-исторической специфики архаического общества, прежде всего — характера миро-и правопонимания, — все получает свое объяснение.

Сегодня общепринятым в романо-германских странах является деление права на публичное и частное. При этом обычно ссылаются на римского юриста Ульпиана, который, как известно, считал, что публичное право относится к положению римского государства, а частное — к пользе отдельных лиц (Д. 1.1.1.2.). Однако современные авторы обычно не дают продолжения этой мысли, где в публичное право Ульпиан включал святыни (*sacra*), служение жрецов, положение магистратов (Д. 1.1.2.). Обращает на себя внимание, прежде всего, то, что на первое место в этой структуре ставятся святыни и служение жрецов. В этом видится специфика восприятия мира в архаическую эпоху, где религия выступает в известном смысле первоосновой права и сливается с «мировым порядком». В этих условиях государство как часть этого миропорядка, закрепленного в обычае и нормах религии, играет в обеспечении права лишь вторичную роль.

Религиозные и светские элементы права составляют здесь единую синкретичную структуру, где слиты право- и миропонимание, а за нарушение правовых норм применяются сплошь и рядом религиозные санкции. В представлениях древних в случае нарушения установленного порядка следовало неизбежное возмездие божества как некоего абсолюта. Оно проявлялось в стихийных бедствиях (эпидемиях, засухе, голоде и т.д.), способных разрушить сообщество. Отсюда еще в родовую эпоху складывается понятие ответственности всего сообщества за действия отдель-

ного человека. И хотя в раннеклассовом обществе человек все чаще самостоятельно выступает субъектом права, однако его миро- и правопонимание еще во многом остаются синкретичными. В этом проявляются еще довольно слабая степень социальной дифференциации, сочетание в структуре общества доклассовых и раннеклассовых элементов.

Подтверждение этому мы видим, в частности, в римской истории архаического периода. Как и другие народы той эпохи, римляне воспринимали мир только сквозь призму религии. На эту сторону дела обращает внимание итальянский исследователь древнего Рима Ф. Сини. Он отмечает неразрывную связь жизни римского народа и религии. При этом под религией он понимает почитание богов, в силу чего ее обряды и культы были нацелены на достижение и сохранение мира с богами (*pax deorum*). «Для жизни римского народа, — заключает он, — считалось необходимым поддержание отношений дружбы между людьми и богами, ведь и боги являлись одной из частей религиозно-правовой системы; причем важнейшей частью, ввиду могущества, признаваемого за божествами» [15, с. 10]. На эту сторону дела обращал внимание еще Цицерон в своем произведении «О природе богов»: «Если мы пожелаем сравнить наше с иноземным — писал он, — то окажется, что в других отношениях мы или равны другим народам, или даже ниже их, но в отношении религии, то есть поклонения богам, намного выше» (II. III. 8.).

О том, сколь глубоким и всепроникающим было влияние религии на общественную жизнь и право Древнего Рима, писал немецкий исследователь Т. Моммзен. По его мнению, римский мир богов отражал «государство и род, как всякое естественное явление, так и всякое проявление умственной деятельности; в нем отражались и каждый человек, и каждое место, и каждый предмет, и даже каждое действие, совершавшееся в области римского права» [12, с. 141].

Следовать этому порядку означало выполнять сложившиеся веками правила совместного существования, важнейшую роль среди них играли религиозные обряды, обеспечивающие связь с высшими силами и гарантирующие всеобщее благополучие. Таким образом, решающую роль в структуре синкретичного правосознания того времени играли религиозные воззрения.

Особенностью полусинкретичного человеческого сознания в раннеклассовую эпоху была размытость граней между реальным и воображаемым миром. Отражением этого была, в частности, традиция призывать при заключении соглашений богов в свидетели и судьи, чтобы обеспечить исполнение обязательств по договору [2, с. 203]. В самом деле, слабость раннего государства компенсировалась здесь господством религиозного сознания, глубокой уверенностью людей в способности богов выявлять и наказывать тех, кто нарушил установленные нормы.

В условиях такого правопонимания *fides* в его синкретичном, т.е. многозначном понимании, превращалось в своеобразную несущую конструкцию права, при том не только частного, но и публичного.

Эту стержневую роль *fides* отмечает большинство современных исследователей римской истории. Так, *fides* определяется как понятие, которое всегда глубоко уважалось в Риме [21, р. 175] и находилось «в центре политического, социального и правового порядка» [23, с. 3], как «метаценность» [20, р. 36] и т.п. *Fides* в смысле взаимного доверия и достоверности играло огромную роль в римской нравственной и политической мысли [18, р. 278].

Воспринимаемое как верность данному слову, понятие *fides* в условиях синкретичного правопонимания было, по сути, клятвой, дававшейся при заключении соглашений. Подтверждением этому является высказывание Цицерона в трактате «Об

обязанностях», что каждое слово, данное во имя божества, уже в силу своего сакрального характера ничем не отличается от клятвы (III. XXIX. 104).

Так, при заключении соглашения Рима с другой общностью (1) римская правовая традиция предусматривала определенный ритуал, включавший произнесение клятвы, жертвоприношения и санкцию за нарушение данного обещания. При заключении такого соглашения необходимо было обязательное присутствие представителя коллегии фециалов, первой и основной функцией которых было обеспечение процедуры при заключении соглашений Рима с другими обществами. Все остальные обязанности, связанные с этим, появились в ведении фециалов вслед за ней [8, с. 160–161].

Свидетельство о процессе заключения договора с помощью фециалов находим у Ливия (I. 24.3–9). Он подчеркивает, что разные международные договоры заключаются на разных условиях, но всегда одинаковым способом.

В ритуале заключения договора присутствует определенная символика: фециал должен был вырвать в крепости с корнем чистой травы в знак верности Рима. После оглашения условий договора в качестве гарантии его соблюдения следовала клятва Юпитеру, который в случае обмана должен был поразить весь римский народ. Для окончательного скрепления договора убивалось жертвенное животное, как показатель божественного гнева, который последует при нарушении соглашения.

По свидетельству отечественного исследователя истории и права Рима Л.Л. Кофанова, наказание было одинаковым при нарушении обещания как для частных соглашений, так и международных [9, с. 64]. В римском обществе тот, кто нарушил данное слово, т.е. *fides*, признавался *sacer esto* — человеком вне божеского и человеческого закона. По свидетельству римского грамматика и антиквара Феста, при нарушении религиозной клятвы ее нарушитель должен быть подвергнут наказанию смертью [8, с. 54]. При заключении международных соглашений все римское население давало клятву верности не только от своего имени, но и от имени своих детей и потомков. На всех них распространялся божественный гнев при нарушении обещания.

При изучении других древних цивилизаций обнаруживаем почти повсеместное распространение институтов, подобных древнеримскому *fides*, с привлечением в свидетели заключения соглашения богов, призванных обеспечить их исполнение либо наказать нарушителей обещания.

Так, в Древнем Египте встречаем уже упоминавшуюся практику обеспечения международных договоров посредством призыва в свидетели богов, число которых могло превышать тысячу [4, с. 80–81]. Даваемые клятвы заключали в себе религиозное принуждение, вмешательство бога-поручителя или богов против стороны, которая нарушила обещание. Они сопровождались самопроклятием и самоблагословением, то есть обращением к богам для того, чтобы вознаградить дающего клятву, если он сдержит свое обещание, или наказать его, если он не выполнит своих обязательств.

Весьма сходная ситуация наблюдалась в Месопотамии, где процедура заключения соглашения в третьем — во второй половине второго тысячелетия до н.э. включала клятву, обращение за благословением к богам, содержащее упоминание о неотвратимом проклятии в случае нарушения этого соглашения [22, р. 816].

Во многих наиболее древних шумерских городах-государствах нарушение обещания, т.е. клятвы, данной при заключении соглашения, каралось смертной казнью [19, р. 63].

В Вавилоне в эпоху Хаммурапи заключавший соглашение прикасался к «дощечке жизни богов» (соглашению) и затем «касался своего горла», одновременно с

этим в жертву приносился теленок, что символизировало неотвратимость наказания за клятвопреступление [19, р. 142].

Древние иранцы также считали данное человеком обещание святым. Как указывает профессор В.Г. Графский, «такое слово считалось жизненно необходимым и важным проявлением Аша (естественного закона)» [6, с. 129]. О религиозном характере соглашения свидетельствовал уже тот факт, что само его название было созвучно имени бога договора Митры — одного из важнейших божеств зороастрийского протомонотеизма, который почитался ариями за две тысячи лет до н.э. Соглашение было действительным в силу признания его божеством, а его сила таилась в произнесенной клятве. Именно вмешательство Бога-Митры поддерживало человека, верного своему слову, но оно же жестоко поражало лжеца, нарушившего слово [3, с. 16]. В «Гимне Митре» подчеркивается значимость верности договору (устному или письменному), и говорится о восьми божественных подручных, которые «сидят на всех высотах, повсюду наблюдая, следят везде за теми, кто нарушает слово [...] они их замечают, они их различают, как только те впервые нарушат договор» [14, с. 94].

Гомеровский период греческой истории подтверждает те же закономерности в порядке заключения и обеспечения соглашения. Так, в третьей книге Гомера «Илиада» троянцы и аргивяне пришли к соглашению отдать Елену победителю боя между Менелаем и Парисом. Предварительно старцами было сделано объявление о перемирии для того, чтобы данное соглашение могло быть достигнуто (III. 268–270). Соглашение должно было заключаться посредством клятвы, для чего призывался Зевс в качестве свидетеля и хранителя обещания (III. 276–280). Также проводился обряд возливания вина, соединялись руки в знак того, что стороны будут соблюдать верность клятве и обещанию (III. 295–301).

В греческой истории также находим подтверждение тому, что нарушение обещания (клятвы) рассматривалось как выступление против установленного божественного порядка.

Платон в трактате «Государство» подчеркивал, что те награды, которые даруются богами человеку благочестивому и верному клятве, распространяются на него и на всех его потомков (II. 363d). Аристотель в «Риторике» тоже отмечал, что приносить ложную клятву значит совершать преступление (I.XV); человек, не остающийся верным своей клятве, ниспроверяет все.

Древнегреческий писатель Ксенофонт в своем произведении «Анабасис» описывает человека, который получил возмездие и умер из-за того, что он оказался клятвопреступником и нарушил договор (II.V. 35). Свое отношение к этому автор выражает следующим образом: «Я не хотел бы быть на месте человека, сознающего себя нарушителем подобных клятв. Куда, думается мне, и с какой скоростью надо бежать, чтобы спастись от гнева богов? Способен ли самый густой мрак скрыть этого человека, и в какой крепости он может найти защиту? Ведь в мире все подчинено богам и они равным образом над всем властвуют» (II. 5.7). В том случае, если, вопреки клятве, человек нарушил договор, то он получил по заслугам, так как справедливость требует казни клятвопреступника (II.V. 41).

Таким образом, рассмотренный материал приводит к выводу, что порядок заключения и обеспечения соглашений в древних правовых культурах отражал специфику этих культур и, прежде всего, в сфере восприятия мира и правопонимания. Из того факта, что правовая действительность, как и мир в целом, были слитны с религией, вытекала важная роль богов, воспринимавшихся как живые существа, в процедуре заключения соглашений и в их обеспечении. В этих усло-

виях обязательства, взятые на себя участниками соглашения, уподоблялись клятве, а их нарушение рассматривалось как тягчайшее преступление и влекло религиозные санкции (2).

Большинство современных гражданских кодексов в странах романо-германского права также распространяют на договорные отношения требование добросовестности. Однако оно принципиально отличается от своего исторического предшественника, прежде всего, характером парадигмы, в условиях которой оно действует, — мировоззренческой, социально-культурной, юридико-технической и т.д.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Относительно частноправовых договоров в праве архаической эпохи также предусматривался определенный религиозный формализм.
- (2) Лишь в этом контексте *fides* может пониматься как институт архаического права, поскольку современное понимание института здесь не вполне подходит.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Античные риторика. Собрание текстов, статьи, комментарии / Под ред. А.А. Тахо-Годи. — М.: Изд-во Московского университета, 1978.
- [2] Бердников И. Государственное положение религии в Римско-византийской империи. — Т. 1. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881.
- [3] Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. — М.: Наука, 1988.
- [4] Буткевич О.В. Международное право Древнего Египта // Государство и право. — 2000. — № 5. — С. 75–84.
- [5] Гомер. Илиада / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича. — М.: Правда, 1985.
- [6] Графский В.Г. Всеобщая история государства и права. — М.: Норма, 2003.
- [7] Дигесты Юстиниана: Пер. с лат. / Под ред. Л.Л. Кофанова. — Т. 1. Кн. I–IV. — М.: Статут, 2002.
- [8] Жреческие коллегии в раннем Риме: К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. — М.: Наука, 2001.
- [9] Кофанов Л.Л. Латинский договор и Законы XII Таблиц: к проблеме юридических отношений между римлянами и *hostes* // Античность и Средневековье Европы. — Пермь., 1998. — С. 64–75.
- [10] Ксенофонт. Анабасис / Пер. М.И. Максимовой; под ред. И.И. Толстого. — М.: Ладомир, 1994.
- [11] Ливий Т. История Рима от основания города / Отв. ред. Е.С. Голубцова. — Т. 1. — М.: Наука, 1989.
- [12] Моммзен Т. История Рима. — СПб.: Ювента, 1994. — Т. 1.
- [13] Платон. Государство / Пер. А.Н.Егунова. — СПб.: Наука, 2005.
- [14] Саидов А.Х., Абдуллаев Е.В. Зороастрийское право в контексте религиозно-правовых учений древней и раннесредневековой Центральной Азии // Государство и право. — 2000. — № 7. — С. 93–107.
- [15] Сини Ф. Люди и боги в римской религиозно-юридической системе: *paх deorum*, время богов, жертвоприношения // *Jus antiquum*. Древнее право. — 2001. — № 1 (8). — С. 8–18.
- [16] Цицерон М.Т. О природе богов / Пер. с лат. С. Блажеевского; ред.: Л. Козьменко, А. Камчатова. — СПб.: Азбука-классика, 2002.
- [17] Цицерон М.Т. О старости, о дружбе, об обязанностях / Пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1999.
- [18] Atkins E.M. *Domina et Regina Virtutum: Justice and Societas in De Officiis* // *Phronesis*. — Assen, 1990. — Vol. 35. — P. 258–289.

- [19] *Bederman D.J.* International Law in Antiquity. — Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2001.
- [20] *Cizek E.* Mentalites et institutions politiques romaines. — Paris: Fayard, 1990.
- [21] *Liebeschuetz J.H.W.G.* Continuity and change in roman Religion. — Oxford: University Press, 1979. — 359 p.
- [22] *Magnetti D.L.* The Function of the Oath in the Ancient Near Eastern International Treaty // The American Journal of International Law. New York. 1978. — Vol. 72. — № 4. — P. 815–829.
- [23] *Pöschl V.* Politische Wertbegriffe in Rom // Antike und Abendland. — Hamburg, 1980. — Bd. 26. — S. 1–17.

**INSTITUTE OF PROMISE (FIDES) IN THE ARCHAIC LAW:
CULTURAL-HISTORICAL ASPECTS E.A. SOROKINA**

E.A. Sorokina

The Department of Legal Theory and History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya st., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the specificity of the fides on the basis of the world view and law understanding in the archaic age.